

То, что среди этих цитат особое место занимают цитаты из Псалтири, привлекает внимание к вопросу о роли этого гениального произведения мировой поэзии при формировании сербского литературного стиля XIII—XIV вв. При ежедневном «прочтении» всей Псалтири это произведение нельзя было не выучить «на память»: и сейчас на Афоне можно встретить много монахов, которые знают всю Псалтирь наизусть. Грандиозность космогонических и религиозных образов, глубина интроспективного психологического анализа и художественная выразительность литературного языка должны были всецело заполнять как философско-религиозное, так и художественное сознание карейских подвижников. Они не только в своих литературных трудах пользовались образами и художественно-стилистическими фигурами Псалтири, но и в своем житейском обиходе вращались в кругу этих представлений и выражениями Псалтири формулировали свои мысли в разговорной речи. Человек, обособившийся от группы, напоминал образ одинокого «врана на нырищи» или «птицы, особящейся на zde»; прозаический факт присутствия блох и клопов на ночлеге вызывал шутливую ассоциацию с псаломными «животными малыми и великими». Псалтирные эпитеты — «сердце чисто», «сердце сокрушенное», «пламень огненный», «овча погибшее» — принимают характер постоянности эпитетов народной поэзии. Синонимы — «усну и почию», «возвеселятся — возрадуются», «что добро или что красно», «кого убоюся — кого устрашуся», «ополчится полк — восстанет брань» — связываются в постоянные комплексы. Язык и по лексике, и по фразеологии становится «псалтирным».

Из Псалтири писатель впитывал в себя все богатство стилистических фигур и разнообразных средств усиления эмфатичности литературного языка, которыми характеризуется торжественно, панегирический стиль южнославянской агиографии XIII—XIV вв. Вся Псалтирь представляет непрерывный буйный поток поэтических перифраз и сравнений, сильных и импрессионных. Здесь представление гордого нечестивца: «превозносеца се и высеце се яко кедр ливански»; картина враждебных полчищ, которые «объшьдше обыдоше ме яко пчелы сът и разгореше се яко огонь в трънии»; побежденных противников, которые «бише яко гнои земльни» или «развеяни бише яко прах пред лицем ветру»; ассоциация освобождения от врагов со спасением из охотничьей западни — «сеть сокруши се и ми избавлени бихом»; уподобление праведника «древу плодовитому, всажену при исходищих вод, иже плод свои обрете в време свое»; «надеющей се на Господа — яко гора Сион»; психологическое состояние духовной подавленности выражается сравнением души с «землей безводной», сердца с «травой усохшей»; абстрактное понятие переходящего олицетворяется в днях, которые «исчезоше ако и дим»; напротив, юность обновляется «яко орли»; истина выходит «яко свет»; отстранение от себя греховных настроений вызывает пространственное представление — «якоже далече отстоят встоци от запада». Сравнение часто идет в художественной градации, как в описании «блаженного мужа» в 1-м псалме; в перечислении разных средств божественной помощи в борьбе с врагами — от оружия и щита до ангельских войск (Псалом 34); градация состояний покоя в отрывке о поисках места Господеви (Пс. 131). Сравнения перемежаются с картинными контрастами: грозным врагом с оружием, конями и боевыми колесницами противопоставляется надежда на бога; грешник скрежет зубами на праведника, но над ним бог посмеется; остатки нечестивых уничтожаются — праведника спасает бог. В сжатой форме антитезы яркость противопоставленных образов иногда дает мысли характер формул пословицы: «не даст господь жьзла грешних на жребии праведнаго». Тот же характер имеют и многочисленные метафоры, как «сеющей слъзами